

УДК 316.33

**ОСОБЕННОСТИ МАЛОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В РОССИИ: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Добренков Владимир Иванович

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
и истории социологии
МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва,
e-mail: theory@socio.msu.ru

Афонин Юрий Алексеевич

Кандидат социологических наук, доктор
экономических наук, профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва,
e-mail: koncy@mail.ru

Полынова Людмила Викторовна

Кандидат экономических наук, доцент,
Самарский государственный
экономический университет, г. Самара,
e-mail: management@sseu.ru

В работе анализируются исторический опыт и этапы становления и развития малого предпринимательства в России, развенчивается миф, будто в царской России частная инициатива была любимым чадом верховной власти. Показано, что многие века стремление соотечественников к экономической самостоятельности в лучшем случае не поощрялось, а в советское время стало даже наказуемым.

**THE SPECIFICS
OF SMALL BUSINESS
IN RUSSIA:
GENETIC CHARACTERISTICS**

Dobrenkov Vladimir Iv.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory and History
of Sociology, M.V. Lomonosov Moscow
State University, Moscow,
e-mail: theory@socio.msu.ru

Afonin Yury A.

Candidate of Sociological Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
M.V. Lomonosov Moscow State
University, Moscow,
e-mail: koncy@mail.ru

Polynova Ludmila V.

Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor, Samara State University
of Economics, Samara,
e-mail: management@sseu.ru

The article analyzes the historical experience and the stages of formation and development of small business in Russia, the myth that in Tsarist Russia private initiative was the favorite child of the supreme authority is dispelled. It is proved that for many centuries the desire of compatriots to the economic self-sufficiency was not encouraged at best, and in Soviet times it was even punishable.

Ключевые слова: Петровские реформы, столыпинские реформы, сельская община, помещичье хозяйство, натуральное хозяйство, крепостничество, поземельная община, помещное дворянство, вольнонаёмный труд.

Keywords: Peter's reforms, Stolypin's reforms, rural community, landlord farming, subsistence agriculture, serfdom, land commune, landed gentry, civilian employee.

Исторический опыт эволюции малого предпринимательства в российской экономике свидетельствует о том, что, во-первых, оно не может развиваться, если не созданы условия для его функционирования, если в экономике нет того, что называется предпринимательской средой и не закреплено стабильностью экономики. Во-вторых, мелкое производство не может развиваться само по себе, вне связи со всей системой экономических и правовых отношений. Если эти факторы не учитываются и малое предпринимательство функционирует без наличия других сформировавшихся субъектов экономических отношений, то оно или погибает, или не раскрывает свой потенциал в полной мере, или деформируется. В-третьих, малое предпринимательство не может развиваться полноценно при искусственном ограничении поля деятельности его отдельных форм и видов. Если различие каких-то форм малого предпринимательства сдерживается, то деформируются и другие, нормально функционировавшие. Принудительный характер экономических отношений и малое предпринимательство – антиподы. В-четвертых, малое предпринимательство и малое производство неспособны выжить и раскрыться в идеологизированной социальной среде, в которой по отношению к какому-либо типу или форме ведения хозяйства действуют императивные идеологемы «идейно выдержанный» и «идейно вредный». Негативные процессы в рамках идеологизированной модели реформирования экономики преодолеть практически невозможно. Они могут только усиливаться.

В некоторых научных работах наблюдается тенденция идеализировать развитие предпринимательства в дореволюционной России. Ю. Воробьев, например, рисует почти идиллическую картину. Таможенный устав 1653 г., Новоторговый устав 1667 г. Петровские указы 1711 и 1721 гг., принятие Берг-привилегии (1719 г.) и регламента Мануфактур-коллегии, реформы 1860-х гг., столыпинские инициативы. На этом историческом фоне делается бесспорный вроде бы вывод: «Развитый российский рынок в конце XIX – начале XX в. – результат естественной эволюции экономических отношений в течение нескольких столетий» [1, с. 43]. Но при таком взгляде на события за скобками остаются многие вопросы. Почему рынок в России все-таки эволюционировал такими медленными темпами? В то время как в Англии, Бельгии, Голландии, других странах Западной Европы капиталистиче-

ские отношения переживают настоящий взлет развития, в России Соборным уложением 1649 г. вводится торговая казнь. Сельских жителей, крестьян, осмелившихся открыть торговое заведение, подвергают публичной порке, а их имущество конфискуют в пользу казны [2, с. 3].

Если рыночная экономика эволюционировала так поступательно и мирно, почему к концу XIX в. из множества старинных российских купеческих родов устойчивыми оказались лишь 20 %? [3, с. 39].

Многие современные исследователи, анализируя провалы нынешнего реформирования общества, ставят их в один ряд с петровскими преобразованиями, с большевизацией страны и видят причины экономических неудач в том, что «эти реформы, во-первых, проводились с явной ориентацией на зарубежный опыт, во-вторых, успех связывался с повышением инициативы и самостоятельности различных слоев населения. Но при этом, в-третьих, – и это главное, преобразования сопровождались игнорированием реальных чаяний народа, а характер решений в своем абсолютном большинстве определили интересы и позиции находившихся “на троне” или при нем» [4, с. 7].

В чем-то С.Д. Валентей, вероятно, прав. Но вряд ли так уж непосредственно прозападная ориентация реформ сказывается на их результатах. Как известно, законы рыночной макроэкономики не имеют национальности и одинаковы для Европы, Америки, Азии. Другое дело, что там, где они не действуют или используются в урезанном виде, экономика пробуксовывает. Не следует винить и «инициативу и самостоятельность различных слоев населения». Эти слои – наиболее творческая, активная, предприимчивая часть народа, обеспечивающая западным странам экономический успех. И когда говорится о чаяниях народа, не надо забывать, что предприниматели: крупные, средние, мелкие – тоже народ. И во всех российских катаклизмах они терпели самые тяжкие невзгоды. А.И. Кравченко выделяет три попытки в России капитализировать Россию: 1) 1861–1917 гг.; 2) 1921–1929 гг. (нэп); 3) с 1989 г. по сегодняшний день [5, с. 16–24]. Первые две закончились физическим уничтожением или изгнанием капиталистов. Последняя сопровождается глубоким экономическим кризисом и социально-политической дестабилизацией общества. Мы солидарны с теми историками предпринимательства, которые ведут начало перевода российской экономики на рыночные рельсы от Петра I.

К середине XVII в. в стране сложилась устойчивая феодальная структура экономики. Соборными уложениями, царскими уставами строго была регламентирована сословная иерархия. Каждому сословию, исключая привилегированное дворянство, строго указывалось не только его общественное место, но и место жительства. Купец торгует

оптом, посадский люд – в розницу. Крестьянин живет в деревне, справляет все помещичьи и государевы повинности. Установлен тотальный контроль за хозяйственной деятельностью всех низших сословий.

Петр I в стремлении европеизировать страну порушил налаженный уклад жизни. Созидая новое, нанес сокрушительный удар по уже существующему. Перевод торгового порта из Архангельска в Санкт-Петербург разорил практически все московское купечество. В 1722–1725 гг. прежние корпорации гостей и торговых сотен были ликвидированы, введены три купеческие гильдии: 1-я – для лиц с торговым оборотом свыше 20 тыс. рублей; 2-я – свыше 1000 рублей; 3-я – свыше 500 рублей. Дворянам по достижении ими 40 лет разрешалось записываться в купцы и заниматься торговой деятельностью. Разрешение на покупку крестьян для заводов и фабрик получили промышленники. Крестьянам, скопившим оборотный капитал 500 рублей, было позволено селиться в городах.

Петровские реформы, однако, при всей своей прогрессивности были половинчаты, противоречивы и, устраняя одни преграды на пути к развитию предпринимательства, воздвигали новые. Например, вводилась жесткая регламентация для промышленников, что им производить на своих заводах и фабриках. Вводилась государственная монополия на производство некоторых видов продукции, на торговлю наиболее прибыльными товарами.

Еще больше противоречий наблюдалось в хозяйственно-экономическом законодательстве последующих преемников Петра на царском троне. Анна Иоанновна сочла бесчестьем для дворян заниматься торговлей и запретила им записываться в купеческое достоинство. Этот запрет позднее был подтвержден Екатериной II, разрешившей крестьянам заниматься промышленностью и торговлей, но только в деревне, причем все свои товары они должны были обязательно продавать только оптом гильдийным купцам.

Лишь Александр I указами от 23 февраля 1806 г. и 29 декабря 1812 г. отменил запреты для крестьян торговать в городах оптом и в розницу. Но эти указы носили весьма формальный характер, так как экономическое положение крестьянина было несопоставимо с купеческим. Он должен был вносить подушную подать, нести рекрутскую повинность, находясь в полной крепостной зависимости. Поэтому лишь единицы из крестьян могли выбиться в предприниматели в общепринятом смысле этого слова.

Ведущее место в экономике страны занимало крупное помещичье хозяйство. Общественный престиж и образовательный уровень ку-

печества были низки. Купцы стремились правдами и неправдами перейти в дворянство. А став дворянами, как графы Строгановы, обзаводились именьями и прекращали торгово-предпринимательскую деятельность. В массе же своей купеческие семьи, в основном многодетные, после смерти родителя по существовавшему наследственному праву делили состояние на равные части, мельчили его и разорялись. Купцы третьей гильдии, по теперешней градации – мелкие предприниматели, разорившись, переходили в сословие мещан. Мещане, скопив 500 рублей, становились купцами. В сельском хозяйстве малое предпринимательство находилось в зародышевом состоянии, так как крепостной крестьянин не имел своей собственности. Впрочем, и купцов всех трех гильдий к 1857 г. насчитывалось в России лишь около 180 тыс. – в полтора раза меньше, чем лиц духовного звания [3, с. 44].

Большое влияние на формирование предпринимателя российского типа оказала сельская община. Русская средневековая крестьянская община сформировалась в условиях относительного многоземелья, не требовавшего введения разветвленного свода правил, которые ограничивали бы индивидуальное землепользование, как на Западе. Более или менее свободному землепользованию способствовали и небольшие размеры поселений. Вплоть до XVII в. русские деревни, входившие в волость, т.е. в вольную самоуправляемую общину, были по преимуществу однодворными хуторами. Община-волость имела большие права в области самоуправления: ее компетенцию составляли распределение земель и регулирование их использования, раскладка тягла, избрание сельских властей, сбор средств на мирские расходы, организация взаимопомощи, решение мелких гражданских и судебных дел.

С конца XVI – начала XVII в. наряду с наметившимся в то время расширением натурального хозяйства землевладельцы стремились к самостоятельному земледельческому предпринимательству и к увеличению доходов, особенно денежных. Наблюдается осязательно выраженная тенденция к развитию отработочной ренты – формированию барщинной системы. В повседневную практику входит денежная рента в виде денежно-оброчной системы. В XVI в. увеличиваются барские запашки, ведущиеся посредством или расширения холопьяго и вольнонаемного труда, или перевода крестьян на барщину. Барщина, т.е. отработочная рента, среди других возможных тогда видов и форм образования землевладельческого дохода по своему значению представлялась для помещика наиболее рациональной и выгодной. Оброк, или натуральная рента, не только давал сравнительно небольшой прибавочный продукт, но и связывал помещичье хозяйство по характеру получаемых продуктов с крестьянским, ставил преграды для предприни-

мательской деятельности, для расширения и интенсификации сельскохозяйственных работ в поместьях. Денежный оброк хотя и давал заметное преимущество перед натуральным, так как имел форму универсального ценностного эквивалента – денег, но при тотальном натуральном хозяйстве не мог достичь крупных размеров. При отсутствии рынков сбыта условия для реализации сельхозпродуктов были неблагоприятными, крестьянам прибыльно сбыть произведенную продукцию стало еще труднее, чем помещикам.

Несмотря на естественные и искусственные преграды, на почве развития производительных сил у значительной части населения возникало стремление к некоторого рода предпринимательству, требовавшему такой организации производства, которая давала бы землевладельцу возможность не только увеличить свои доходы, получаемые в виде ренты за землю, но и присоединить к ней определенную долю добавочного продукта, т.е. расширить область прибавочного труда за счет труда необходимого. Этой цели более всего соответствовала барщинная организация помещичьего хозяйства, в зачаточной форме проявлявшаяся с давних времен в отработочной аренде на основе свободно-договорных отношений. В дальнейшем отработочная аренда преобразовалась из свободно-договорной формы в отношения принудительного барщинного крепостного хозяйства. Землевладельца-предпринимателя к этому переходу подталкивала необходимость расширения производства прибавочного продукта.

В России крепостничество начало складываться в конце XVI в., его наиболее жесткие помещичьи формы укрепились в XVIII–XIX вв. Однако положение крепостных в разных регионах России не было единообразным, не говоря уже о том, что далеко не все общины стали крепостными. Вольным мир оставался в Сибири, на Русском Севере, в казачьих округах [6, с. 260–264].

Анализируя эволюцию общинных принципов землепользования во владельческих имениях, Н.П. Павлов-Сильванский показывает, как подневольный труд и помещичий фискальный пресс меняют отношение крестьян к земле. Он приводит циничную поговорку помещиков XVIII в.: «Мужика стриги, как овцу, не давай ему обрасти» [7, с. 258]. В результате такого владения землей она становится проклятием для крестьянина.

Поземельная община в том виде, как она сложилась к концу XIX в., представляла собой патриархальную, замкнутую организацию с сословным делением, отсутствием свободы передвижения и распоряжения землей для каждого отдельного крестьянина. У него отнимали большую часть готовой продукции или, что хуже, даже часть его рабо-

чего времени (барщина), но при этом ни общий план работы, ни тем более конкретная последовательность операций – многообразный, не поддающийся точной фиксации смысл его повседневной деятельности на своем наделе – не задавались извне. Поэтому крестьянин в своей повседневной работе все же сам решал, что, где, когда и как делать, сохранял хозяйственную самостоятельность на закрепленной за ним земле.

С конца XVIII – начала XIX в. начинается «оседание» хозяйствующих дворян-помещиков на землю. Рост городов, внутреннего спроса, высокие цены, державшиеся в первые два десятилетия XIX в., – все это усиливало тягу к сельскохозяйственному предпринимательству. На этой почве у помещиков родился интерес к техническим усовершенствованиям и интенсификации земледельческого хозяйства, к подражанию западноевропейским образцам и т.д. Это были первые опыты русского сельскохозяйственного предпринимательства, попытка вложения производительного капитала в земледелие. Дворянство решило заменить менее доходную крепостную трудовую ренту самостоятельным хозяйством. Отношение к земле и к крепостному крестьянству как простого рантье должно было смениться более сложным отношением предпринимателя. Это касалось технической стороны хозяйства – поднятия его производительности и рационализации, организационной – замены оброка барщиной, собственно общественно-экономических отношений крестьянства и помещика. Все данные факторы существенно увеличивали доходность помещичьего хозяйства, повышали его производительность.

Одним из наиболее ярких примеров помещичьего предпринимательства дореформенного периода является активная и разносторонняя деятельность И.С. Карповича, творческие усилия которого были направлены на рационализацию сельского хозяйства в промышленности России. К началу 40-х гг. XIX в. его имение представляло собой хорошо налаженный и рационально построенный хозяйственный единый механизм [8, с. 136]. Этому способствовали личные качества помещика: трезвый расчет, аналитический склад ума, понимание особенностей крестьянской психологии. Он по праву признавался одним из лучших агрономов-практиков России.

Карпович в течение многих лет проводил эксперименты, направленные на изменение системы организации труда. В его имении проявилась тенденция к росту численности оброчных крестьян, что способствовало развитию товарно-денежных отношений с крестьянскими хозяйствами. Успешным оказался один из первых опытов организации фермерского хозяйства, которое Карпович передал обученной крестьянской семье на основе арендного контракта. В имении производились

денежные награждения крестьян и дворовых людей за старание в работе. Наряду с награждениями действовала и система строгих наказаний за нарушение дисциплины и хозяйственного распорядка. Улучшались условия труда крестьян, организовывалось обучение в местной школе.

Хозяйство Карповича включало в себя предприятие по выработке льнополотна, крахмала и напольную печь оригинальной конструкции для изготовления кирпича. Производство крахмала в имении Карповича было налажено на основе переработки картофеля. Крестьяне быстро поняли выгодность переработки картофеля в крахмал и его сбыта по подрядному договору. А использованная в технологическом производстве вода и картофельные выжимки применялись как добавки к сухому зимнему рациону скота.

Факты свидетельствуют о том, что рациональные методы хозяйствования Карповича постепенно внедрялись и в крепостных хозяйствах, развивая инициативу, самостоятельность и предприимчивость у крестьян.

Однако в целом по стране интенсификация и агрономическая рационализация системы полеводства на западноевропейских принципах, соединение земледелия с индустрией, организация и планирование хозяйства по образцам английского фермерства оказались невосребованными, так как российская экономика базировалась на крепостном труде, производительность которого была низка и низкими темпами прогрессировала [9, с. 240–241]. При слабых темпах повышения производительности труда растущие потребности помещичьих и крестьянских хозяйств могли удовлетворяться лишь за счет простого экстенсивного расширения посевов земледельческих культур.

Более значительному росту товарного производства способствовал крестьянский торг. Он получает значение местного рынка сбыта, посредником в котором становится прасол, мелкий скупщик, торговец из тех же крестьян. Именно крестьяне-скупщики, являясь необходимым посредническим элементом сельской торговли, катализировали зарождение мелкой предпринимательской деятельности.

Поместное дворянство имело значительно более широкие торговые права по сравнению с крестьянством. Таможенным уставом 1755 г. подтверждались преференции дворян торговать всеми продуктами их хозяйства, только «не скупными у других», реализовать их в селах и городах, оптом и в розницу, продавать в портах на вывоз за границу. Владея главной массой товарных сельхозпродуктов, поместное дворянство, естественно, господствовало на рынке. По расчетам некоторых дореформенных (1861) статистиков, указывает Лященко,

можно приблизительно определить, что, например, из всего товарного хлеба 90 % его объемов шло на продажу из помещичьих хозяйств и только около 10 % – из крестьянских [10, с. 24].

Все это обусловило преобладание в дореформенной хлебной торговле крупных потребительских и торговых центров над местными закупочными рынками, крупного торгового капитала над мелким, крупной торговли над рассеянной по деревням и весям. Последняя была также распространена, но находилась в руках тех же крупных торговых домов и касалась по преимуществу крестьянского хлеба, продаваемого на местах, тогда как помещичий шел в города, большей частью минуя местных торговцев.

Помещик на рынках при продаже хлеба попадал во власть торгового капитала и конкуренции этих капиталов. Этой конкуренции не было на мелких местных рынках, что часто позволяло достигать там действительно выгодных цен. С другой стороны, именно возможность даровой крепостной доставки товара на рынок иногда являлась причиной чрезвычайно заниженных цен, убыточных и разорительных для тех помещиков, которые не использовали крестьянскую повинность или вели хозяйство вольнонаемным трудом.

Реформа 1861 г. ни по внешним формальным признакам, ни по экономической сущности не получила значения какого-либо переворота, окончательно расчищающего путь развитию буржуазных тенденций. Помещики острую нужду в капитале для ведения хозяйства на предпринимательских принципах могли удовлетворить в новых условиях лишь частично. Большая доля выкупных платежей за землю использовалась непроизводительно, так как пошла на возмещение помещичьих долгов. Так, к 1871 г. за первое пореформенное десятилетие из общей выкупной крестьянской суммы за приобретенную землю в 543 млн рублей до 248 млн пошло на уплату помещичьих банковских долгов. Оставшимися суммами помещики распорядились нерасчетливо, прожили их непроизводительно. Средства тем или иным путем были перераспределены в промышленные отрасли производства [10, с. 269].

Уже к 1870 г. вследствие недостатка средств на оборудование хозяйства и невыгодности вести его на капиталистических началах начинают сокращаться помещичьи запашки. Это касается главным образом нечерноземных губерний бывшего барщинного земледельческого центра. Помещичьи усилия были направлены не на развитие собственных производительных сил, а на использование своих земель для эксплуатации крестьянского труда. В крестьянском же хозяйстве сильно увеличились всевозможные платежи как государству, так и прежним владельцам. При этом большая часть повинностей осуществлялась в де-

нежной форме. Освободившись не от всех натуральных повинностей помещику, крестьянин принужден был государством нести бремя многих денежных налогов вместо прежней подушной подати и государственного сбора.

При искусственно созданном малоземелье и невозможности эффективной постановки и развития производительных сил крестьянское хозяйство в условиях денежного обращения должно было стремиться к экстенсивному, количественному расширению своего производства, к выработке наибольшей массы продукта. Отсюда возникла характерная для всего пореформенного времени погоня за землей ради выработки лишнего пуда хлеба, единственного товара, который в основном и мог производить крестьянин в своем хозяйстве. Своей земли у него было недостаточно.

Помещичьи земли обрабатывались им по-старому, как и при крепостном строе: частью за денежную, а большей частью за натуральную оплату отработками.

Для значительного числа помещиков или не было возможности поставить свое хозяйство на капиталистические рельсы, или более выгодным было не эксплуатировать землю в собственном сельскохозяйственном производстве, а сдавать в аренду крестьянам. Большинство крестьян-арендаторов тоже не имели возможности стать фермерами-капиталистами. Аренда приняла уродливые формы некапиталистического, отработочного и исполного земельного найма, более выгодного для помещика. В результате помещичий класс направлял развитие сельского хозяйства по прусскому образцу, с сохранением выгодных для него некапиталистических форм эксплуатации крестьянства, чем тормозил рост сельскохозяйственного производства.

После реформы часть дворянских поместных владений была вытеснена купеческими и частными крестьянскими хозяйствами. На долю помещиков перед отменой крепостного права приходилось 20 % посевов зерновых, а к 1917 г. – 10 %. Еще сильнее сократилась доля дворянских хозяйств в разведении продуктивного скота [11, с. 38].

Поместное дворянство за 30 лет сократило свою долю с трех четвертей частновладельческих земель до половины (таблица) [10, с. 327].

Динамика распределения частновладельческой земли по сословиям, %

Сословия	1877 г.	1887 г.	1905 г.
Дворяне	77,8	68,3	52,5
Крестьяне	7,0	13,1	23,9
Купцы и мещане	14,2	16,3	20,2

По статистике 1877 г., до трех четвертей всей земли было сосредоточено у небольшого числа дворян – около 15 тыс. помещиков; из них у 924 владельцев – почти одна треть (29,7 %) всей земли. Свыше 80 % всех владельцев обладали менее чем 1/20 земли. Другими словами, земля была сконцентрирована в руках очень небольшого числа лиц – владельцев крупнейших латифундий.

Одно из таких хозяйств, прославившихся своими результатами, возглавлял помещик А.Н. Энгельгардт. Оно как бы отражает в миниатюре основные черты эволюции всего частновладельческого сектора пореформенной России. Свои взгляды и наблюдения Энгельгардт изложил в письмах «Из деревни» [12, с. 433].

Его хозяйство развивалось успешно посредством постепенного вытеснения обработок вольнонаемным трудом. Сообщая об успехах нововведения, Энгельгардт отмечал более добросовестное отношение к земле наемных рабочих, вполне справедливо доказывая, что обычные обвинения крестьянина в лености и недобросовестности есть результат «крепостного клейма» и кабальной работы «на барина», что новая организация хозяйства требует от хозяина предприимчивости, знания людей и умения обращаться с ними, знания работы и ее меры, знакомства с технической и коммерческой стороной земледелия, т.е. таких качеств, которых не было и быть не могло у крепостной, кабальной деревни. Отличительной особенностью свободного крестьянина, как замечал Энгельгардт, является то, что он не замыкается на своем труде, «такой мужик радуется на свои постройки, на свой скот, свой конопляник, свой хлеб. И вовсе не потому, что это доставляет ему столько-то рублей. Он расширяет свое хозяйство не с целью наживы только, он работает до усталости, недосыпает, недоедает» [12, с. 284]. Часто причиной несостоятельности одиночных хозяйств бывает и элементарная неспособность к работе, неспособность к хозяйствованию.

Раздумывая о перспективах развития организационных форм в сельском хозяйстве России, Энгельгардт считал, «что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Мы, русские, именно совершив это великое деяние, найдем новые способы хозяйничанья. В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства... Стоит только для этого уничтожить нивки, разделить землю на десятины и обработать сообща. Я не только твердо уверен в этом, но знаю, что с этим согласится каждый крестьянин. Зажиточность неразделенных дворов разве не показывает это?» [12, с. 281].

Вместе с освобождением крестьян не только увеличилось общее количество хлебного производства, но и стали преобладать на рынке продукты крестьянского, т.е. мелкого, некапиталистического произ-

водства. Обнаружилось и другое тесно связанное с этим и представляющееся прямым его следствием явление – измельчание торговли. Другими словами, с децентрализацией производства шла и децентрализация капитала, шло рассеяние торговых путей и рынков, приспособившихся к новым условиям сбыта. Крестьянский хлеб должен был находить себе сбыт возможно ближе к месту посевов и возможно скорее после жатвы. К услугам крестьянина и явился мелкий посредник в лице самостоятельного мелкого деревенского скупщика или в лице более крупных торговцев, появившихся в торговых селах и деревнях. Теперь хлеб свозился крестьянами ближайших окрестностей на мелкие торговые пункты, ссыпался в амбары для перепродажи в более крупных центрах торговли. Их владельцы становились единственными скупщиками крестьянского местного хлеба и других продуктов, и из-за отсутствия конкуренции они держали в своих руках весь сельскохозяйственный рынок, устанавливая цены, давая задатки и т.п.

Таковы были изменения в положении сельскохозяйственного рынка, внесенные крестьянской реформой в 1861 г. Эта система, будучи совершенно далекой от капиталистической организации производства, тем не менее разорвала связь с прежним натуральным укладом. Она уже имеет вполне капиталистически организованный сбыт, почти не допуская непосредственного общения производителя с рынком.

С конца 1890-х гг. сельское хозяйство активно втягивается в сферу мировой торговли. Иностранные инвестиции шли в Россию в виде финансового банковского капитала для обоснования здесь промышленных предприятий, но иностранный банковский капитал захватывал и все отрасли торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами. Экспортные операции с сибирским маслом, воронежскими яйцами и птицей, псковским льном и повсеместно с хлебом начинают интересоваться торговые фирмы. Они включаются в хлебную торговлю и руководят ею или основывают у нас в стране свои экспортные ссыпки.

Крестьянское хозяйство, являвшееся в преобладающей массе своей типичной организацией «производства на скупщика», вышло на первое место по размерам своего влияния на рынок. Подчинение торговому капиталу, с одной стороны, обеспечивало мелкому производителю формальную независимость, оставляя процесс производства не затронутым капиталистическими отношениями, с другой стороны, благодаря сохранению хозяйством этой формальной самостоятельности не допускало возможности возникновения на его месте новых капиталистических организаций.

Русское сельское хозяйство, вовлеченное в мировой торговый оборот, тем не менее характеризуется отсталыми экономическими и

социальными отношениями, недостаточными возможностями для развития капитализма. Основным препятствием на этом пути была непомерная торговая эксплуатация массового некапиталистического производителя за счет выбрасывания на внешний рынок дешевого массового продукта.

В 1906 г. в России по указу Государственной думы началась реформа крестьянского наделного земледелия, получившая название столыпинской [13, с. 31]. По ней крестьянам разрешалось получать паспорт без согласия мира. Отменялись и ограничения в их приеме на работу как частными предприятиями, так и государственными учреждениями. Крестьянам позволялось свободное избрание места жительства и профессии. Всякий домохозяин мог выйти из общины и закрепить свой надел в личную собственность.

Однако столыпинский аграрный курс не достиг ни экономических, ни политических целей, которые перед ним ставились, поскольку столкнулся с резким сопротивлением как крайне правых (помещиков) и умеренно-либеральных (финансовый капитал), так и большинства левых революционных партий. Из общины выделились (во многих случаях под административным нажимом) всего 22 % крестьянских дворов, которым принадлежало лишь 14 % общинных земель. Из них менее половины переселились в хутора или получили свои земли в отрубках. Более того, в некоторых районах закрепление земли в собственность не означало разрыва крестьян с общиной, многие из них предпочитали оставаться в ней, опасаясь, что вне ее им будет труднее. Им и было труднее: начались поджоги хуторов, погромы дворов отрубников, само слово «отрубник» стало бранным. Помимо прочего, для них были закрыты все общинные угодья – выгоны, покосы и пр. [14, с. 31].

Помещикам и самодержавию не удалось сломить приверженность крестьян к общинным тенденциям, к уравнительности и социальной самозащите. Выход из общин практически прекратился. Многие изъявляли желание вернуться в «общества». В результате к 1917 г. общая численность хуторских и отрубных хозяйств, к которым мог бы быть отнесен термин «капиталистический», составила около 1610 тыс. (примерно 10,5 % всех хозяйств), они занимали площадь 16 млн десятин – в среднем по 10,9 га на хозяйство [14, с. 32].

Отличительная черта столыпинской реформы – абсолютизация эффективности хуторской системы хозяйствования, Столыпин считал хутора и отруба универсальным средством во всех регионах России, хотя на огромной территории природные условия, традиции крестьян были самыми разнообразными.

Особое достижение русской деревни 1907–1914 гг. – это небывалый взлет кооперативного движения. К 1917 г. в деревне насчитывалось 15 000 потребительских обществ, около 6000 обществ по закупке и сбыту сельскохозяйственной продукции, свыше 16 000 кредитных кооперативов. Кооперативы в России имели ту отличительную черту, что ставили своей целью «не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды» [15, с. 297].

При всем многообразии конкретно-исторических путей, форм генезиса и утверждения аграрного капитализма в различных регионах он сводится в сущности к двум типам: помещичьему и крестьянскому (или к их симбиозу). Географическое их распределение было таким: в западных районах страны господствовал помещичье-крестьянский тип, на северных и восточных окраинах – крестьянский, а в губерниях центра и юга европейской России преобладал крестьянско-помещичий тип буржуазной аграрной эволюции.

Однако хотя экономическая реформа 1861 г. и была во многом непоследовательной, сохраняла многие дворянско-помещичьи привилегии и не давала простора широким народным массам (в основном крестьянским) для предпринимательства, именно она дала толчок массовому развитию малого бизнеса в России. Как отмечают исследователи, «крупный капитал не только не уничтожил мелкое предпринимательство, но и своеобразным образом поддерживал и восстанавливал его, будучи не в силах самостоятельно охватить огромный внутренний рынок России» [2, с. 7]. За период 1867–1883 гг. прирост мелких предприятий (на 51,1 %) значительно опережал прирост (12,9 %) крупных [2, с. 7].

Отличительной особенностью экономического развития в России являлось то, что все царские режимы в отношении предпринимательства проводили весьма непоследовательную политику. Это обусловило появление критических настроений среди предпринимательских кругов, переходивших в оппозиционные, что послужило одной из причин известных событий февраля 1917 г., переросших в Октябрьскую социалистическую революцию.

Литература

1. Воробьев Ю. Штрихи к исследованию русского предпринимательства на рубеже XIX–XX вв. // Предпринимательство. 2012. № 2–3.

References

1. Vorob'ev Yu. Shtrihi k issledovaniyu russkogo predprinimatel'stva na rubezhe XIX–XX vv. // Predprinimatel'stvo. 2012. № 2–3.

2. *Барышников М.Н.* Деловой мир России : историко-биографический справочник. СПб., 2013.
3. Предпринимательство и предприниматели России: От истоков до начала XX века. М., 2014.
4. *Валентей С.Д.* Федерализм: российская история и российская реальность. М., 2015.
5. *Кравченко А.И.* Три капитализма в России // Социс. 1999. № 7.
6. *Илюшечкин В.П.* Система и структура до буржуазной частновладельческой эксплуатации. Вып. 2. М., 2013.
7. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 2013.
8. *Козлов С.А.* Аграрно-промышленное предпринимательство И.С. Карповича. Ярославль, 2011.
9. *Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции в России. Л., 1926.
10. *Лященко П.И.* История русского народного хозяйства. М., 1927.
11. Аграрная эволюция России и США в XIX–XX вв. М., 2015.
12. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887 гг. М., 1937.
13. *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 2012.
14. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 2014.
15. *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 2013.
2. *Baryshnikov M.N.* Delovoy mir Rossii : istoriko-biograficheskiy spravochnik. SPb., 2013.
3. *Predprinimatel'stvo i predprinimateli Rossii: Ot istokov do nachala XX veka.* M., 2014.
4. *Valentey S.D.* Federalizm: rossiyskaya istoriya i rossiyskaya real'nost'. M., 2015.
5. *Kravchenko A.I.* Tri kapitalizma v Rossii // Socis. 1999. № 7.
6. *Ilyushechkin V.P.* Sistema i struktura do burzhuaznoy chastnovladel'cheskoy ekspluatatsii. Vyp. 2. M., 2013.
7. *Pavlov-Sil'vanskiy N.P.* Feodalizm v Rossii. M., 2013.
8. *Kozlov S.A.* Agrarno-promyshlennoe predprinimatel'stvo I.S. Karpovicha. Yaroslavl', 2011.
9. *Lyashhenko P.I.* Ocherki agrarnoy evolyucii v Rossii. L., 1926.
10. *Lyashhenko P.I.* Istoriya russkogo narodnogo khozyaystva. M., 1927.
11. *Agrarnaya evolyuciya Rossii i SSHA v XIX–XX vv.* M., 2015.
12. *Engel'gardt A.N.* Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887 gg. M., 1937.
13. *Avrekh A.Ya.* P.A. Stolypin i sud'by reform v Rossii. M., 2012.
14. *Kondrat'ev N.D.* Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremya voyny i revolyucii. M., 2014.
15. *Tugan-Baranovskiy M.I.* Social'nye osnovy kooperatsii. M., 2013.